

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ХОЖДЕНИЕ В НАРОД И ОБРАТНО

Российская власть между
профессионалами и энтузиастами

Александр Баунов

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ХОЖДЕНИЕ В НАРОД И ОБРАТНО

**Российская власть между
профессионалами и энтузиастами**

Александр Баунов

Данный выпуск «Рабочих материалов» подготовлен Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке, иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935-89-04
Факс: +7 (495) 935-89-06
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2016

Содержание

Об авторе	v
Краткое содержание	1
Введение	3
Масленица и пост	4
Два шага назад	6
Хаос во имя порядка	8
Революционный консерватизм	10
Малые и большие формы	11
Идентификация противника	13
Работа над ошибками	15
На спине у тигра	17
Добровольцы	18
Прописан покой	21
За монополию на силу	25
Самоподрыв	28

Трудности поворота	30
Примечания	33
Московский Центр Карнеги	37

Об авторе

Александр Баунов — главный редактор интернет-портала Carnegie.ru и старший научный сотрудник Московского Центра Карнеги, журналист, публицист, филолог, бывший дипломат.

Краткое содержание

В одних режимах власть нуждается в самодеятельности сторонников, в других обходится без нее, считая любую несогласованную активность вредной. Россия большую часть своей истории относилась ко второй разновидности. В последние несколько лет она сделала шаг в сторону первой, более динамичной модели, заколебалась и, похоже, передумала. Это скучнее, но, может быть, не так плохо для будущих реформ.

От режима бюрократов к экспериментам с активистами — и обратно

- Для анализа ситуации в том или ином государстве порой важнее не то, какие ценности режим декларирует, а какой тип легитимации — революционный или консервативный, какие отношения со сторонниками — статические или динамические — практикует его руководство. Динамические режимы гораздо терпимее к децентрализованному самодеятельному насилию и даже нуждаются в нем.
- После того как российская власть столкнулась с искренним протестом — сначала во время «цветных революций» и «арабской весны», потом в собственной столице и, наконец, снова в Киеве, — она попыталась противопоставить им провластную искренность, а для этого отойти от привычки к статическому, консервативному типу отношений с населением и создать традицию уличной поддержки и отпора критикам.
- Серьезные попытки защитить российскую политическую систему при помощи неформальных патриотических групп относятся ко временам «цветных революций». До зимних протестов 2011–2012 годов власти делали основной упор на молодежные организации, но начиная с Болотной и дальше власть противопоставляла своим противникам преимущественно более «взрослых» активистов.
- Целями провластных активистов стали враги, обозначенные в репрессивных законах, принятых после возвращения В. Путина на пост президента: представители ЛГБТ, «оскорбительное» искусство, НКО и оппозиционные политики. Не все акции координировались наверху,

но создается ощущение легитимных целей для децентрализованного насилия со стороны патриотических и религиозных активистов.

- Пик патриотического активизма и самодеятельного насилия пришелся на время Майдана и войны на востоке Украины. Для гибридной войны, в которой государство не хотело участвовать напрямую, понадобились добровольцы, деятельность которых пришлось широко освещать и расхваливать.

Основные выводы и прогнозы

- Руководство России почувствовало, что революционный тип поддержки расходится с национальной традицией и привычным стилем управления, и распознало угрозу. Динамическое состояние оказалось недостаточно комфортным для правящей бюрократии, так как вынуждает поддерживать живое общение со сторонниками, терпеть низовые инициативы, конкурировать с неформальными лидерами.
- Задача остановить рост внутривоспитанной популярности добровольцев, судя по всему, поставлена и решается осознанно. Их упоминания в государственных СМИ резко свернуты, не видно, чтобы власть пыталась использовать их популярность на выборах в Думу, причем в кампании не только партии власти, но и системных оппозиционных партий.
- Это в целом соответствует настроениям российских граждан. Население консервативных режимов испытывает испуг и непонимание, когда против врагов за провозглашенные ценности начинают бороться активисты, а не государство.
- Российский режим по-прежнему старается утверждать свою легитимность при помощи институтов и не заинтересован в их полном разрушении, тем более в потере монополии на насилие.
- Из большей народной активности, которая свойственна динамическим режимам, можно сделать вывод, что они эффективнее готовят людей к политической свободе. Однако такие режимы бывает труднее реформировать, потому что в них глубоко затянута не только верхушка бюрократии, но и обычные люди. Возвращение российской власти к более традиционным для страны консервативным отношениям со сторонниками может оказаться в конечном счете более полезным для будущих реформ и спокойного решения вопроса о сменяемости власти.

Введение

Во время суда над Савченко неизвестные патриоты напали¹ на российское посольство в Киеве и российские консульства в нескольких украинских городах: подожгли машины, разбили стекла, помяли капоты и бамперы; стены, калитки и заборы закидали краской и тухлыми яйцами. Телеканалы будто бы между прочим сообщили номер, по которому можно опознать машины российских дипломатов, — общественно значимая информация, нельзя утаить. В ответ в Москве у украинского посольства прошли две акции. Сперва имитация украинской: сердитая молодежь тоже бросала яйца в посольство, но полиция заранее выставила² ограждения так, чтобы ни одно не долетело. А через несколько дней там же прошел дисциплинированный пикет³. Демонстранты с типовыми плакатами в руках держали строй и потом организованно разошлись, смирно, вольно, кругом — ни одна дверь не пострадала. Никто не сообщил рассерженным патриотам, как отличить украинских дипломатов от прохожих, пусть сами расспрашивают дворников: многие парни плечисты и крепки, многие носят футболки и кепки. Но они не расспрашивают: раз не сообщили, значит, не положено. Если в Киеве одни патриоты публикуют для других личные данные журналистов, официально работавших в ДНР⁴, то в России с журналистами, работавшими с украинской стороны линии фронта, ничего подобного не происходит.

Это различие касается не только Украины и России, оно универсально. После того как в Саудовской Аравии шиитскому проповеднику отсекли голову, негодующие иранские патриоты разгромили⁵ саудовское посольство. В ответ в саудовской столице Эр-Рияде ничего не разгромили, просто прервали с Ираном дипломатические отношения и попросили персидских дипломатов покинуть королевство в течение 48 часов, а те мирно сложили чемоданы и отправились на вокзал под охраной полиции. После очередной обиды со стороны японских политиков в свободной Южной Корее и несвободном Китае группы рассерженных патриотов одинаково атакуют объекты японской дипломатии и бизнеса (часто это суши-бары местных владельцев — ну и нечего кормить вражеским борщом). Зато в разгар советско-китайского конфликта на рубеже 1960–70-х советские рабочие и колхозники и не думали тронуть гостиницу «Пекин», где столичная богема продолжала закусывать жень-

шеневую водку ласточкиными гнездами, — ее даже не переименовали. Так же как сейчас никому не приходит в голову переименовывать гостиницу «Украина», а в 2008 году никто не хотел назвать по-другому обе Грузинские улицы.

Первый, буйный тип поведения может показаться признаком большей свободы, второй — цивилизованности. Однако в действительности оба представляют собой две разновидности отношений власти со своими сторонниками, которые существуют и в демократиях, но особенно важны для понимания авторитарных режимов.

Масленица и пост

Этот важный рубеж проходит поперек границ, которые отделяют демократии от диктатур, и делит сами авторитарные режимы на два типа. Назовем их условно:

- консервативные, или статические, где поддержка граждан выражается в форме согласия и послушания,
- революционные, они же динамические, где власти имитируют поведение главарей народного бунта, снова и снова обновляя свой чрезвычайный мандат.

В странах с режимами первого типа собрание молчит («зевая, слушает молебен»), с режимами второго типа — свистит и хлопает, раздаются выкрики с мест, наконец, оратор ведет людей на улицу для изъяснений негодования или поддержки. Такие режимы сохраняют прочность и равновесие, пока находятся в постоянном движении: сияющий диск власти, если к нему присмотреться, оказывается бешено вращающимся, чтобы не упасть. В противоположность им прочность статических режимов обеспечивается полным покоем, отсутствием лишнего движения.

Ключевое различие проявляет себя в том, как эти два типа относятся к провластной низовой инициативе (к инициативе против власти, понятное дело, оба относятся отрицательно). А вот несогласованную инициативу за власть против врагов одни считают полезной и необходимой, а другие ее опасаются: ведь если можно по своему усмотрению выступить за, то тем ниже порог перед тем, чтобы выступить против или забежать вперед.

В конце концов, власть сама может быть уличена сторонниками в неполном соответствии выдвинутым ею лозунгам; всегда найдется тот, кто попеняет ей за это из лучших побуждений, а то и вовсе предложит более последовательно воплотить ее собственные лозунги в жизнь, а это опасно. В итоге у двух типов несвободных режимов может быть совершенно разный ценз отсекаемой низовой активности — и жизнь примерно одинаково несвободных граждан протекает по-разному.

Речь идет не о разделении режимов по идеологическому признаку (на левые и правые, например), а по набору практик, по способу легитимации и типу взаимоотношения со сторонниками.

Для описания этого различия можно было бы ограничиться терминами «революционный» и «консервативный», однако слово «консервативный» слишком широко употребляется для описания набора идей, а не практик и может запутать читателя. Точно так же как слово «революционный» чаще употребляется при разговоре о происхождении режима (захват власти в результате восстания, переворота), чем о способе действия властей.

Между тем в одном случае речь идет именно о консервативных практиках — когда все происходит централизованно и дисциплинированно. Те, кто уполномочен, принимают решения, другие их исполняют. В то время как в случае с революционными практиками прямых указаний сверху ждут не всегда — достаточно рамочного взаимопонимания между руководством и сторонниками. Решения принимаются и исполняются децентрализованно, не только наверху, но и внизу. Поэтому для большей ясности наряду с терминологической парой «революционный» — «консервативный» полезно иногда пользоваться и уточняющей парой «динамический» — «статический».

В последние годы исследователи политических режимов предпринимали попытки выйти за пределы пары «демократия — авторитаризм», пытались найти оттенки. Ли Гилберт и Пайам Мохсени пишут о гибридных режимах и электоральном авторитаризме, предлагая в качестве критерия, по которому свободное общество отличается от несвободного, не многопартийные, а состязательные выборы. Правда, в таком случае Венесуэла и отчасти Иран оказываются свободными⁶. Карлес Боис и Милан Сволик пишут о сосуществовании авторитаризма и политических институтов: редкий диктатор способен все контролировать единолично, а значит, начинается делегирование и разделение власти. У тех, кто получил ее часть, возникают свои интересы, а это приводит к строительству институтов, вплоть до включения в фундамент режима оппозиционных партий⁷.

Джейсон Браунли на примере стран Восточной Европы призывает рассматривать авторитаризм не как состояние, но как процесс, где возможны колебания в сторону большей или меньшей свободы, в том числе в странах, которые вроде бы завершили переход к демократии. Браунли полагает, что есть черты, в разных ситуациях одинаково свойственные авторитарным странам и демократиям, особенно если рассматривать авторитаризм не только внутри границ одного государства, но и как трансграничный процесс, где демократии могут быть союзниками авторитарных государств и наоборот⁸.

Озан Варол пишет в статье 2015 года о «маскирующемся авторитаризме», который выучился правилам игры и использует механизмы права и демократические процедуры в своих целях, предпочитает прежним, неформальным способам консолидации власти способы формализованные, что, с одной стороны, делает авторитаризм более живучим, но, с другой, дает возможность рассматривать его как форму перехода к демократии⁹.

Для жизни внутри того или иного государства, для экономических и политических отношений с ним порой не столь важно, какие ценности — традиционные или прогрессивные — режим декларирует и чем себя считает — оплотом консерватизма или, наоборот, авангардом свободы и прогресса. Существеннее другое: какой тип легитимации — революционный или консервативный, какие отношения со сторонниками — статические или динамические — практикует его руководство.

Два шага назад

После того как российская власть столкнулась с искренним протестом сначала в арабских странах, потом в собственной столице и, наконец, в Киеве, она попыталась противопоставить им провластную искренность. Для этого она отошла от привычки к статическому, консервативному типу отношений с населением (с одной стороны начальник, с другой — исполнитель начальных решений, он же получатель раздаваемых начальником благ), попыталась прописать себе и сторонникам более подвижный образ жизни: на наблюдаемые революции ответить собственными революционными практиками. Начать крутиться, чтобы остаться на месте. Однако в последнее время мы видим признаки отхода от попытки выстроить в России динамический авторитарный режим.

Во время футбольного матча в Стамбуле полузащитник «Локомотива» Дмитрий Тарасов снял майку команды, под ней обнаружилась другая — с Путиным в военной пилотке: вот вам, турки, любуйтесь. УЕФА возбудила дисциплинарное дело, но родной клуб «Локомотив» (собственность «РЖД»), чей недавний глава, философ-путеец Владимир Якунин, претендовал на роль главного патриотического мыслителя), вместо того чтобы вступить за стихийного патриота, оштрафовал его на 300 тысяч евро. Тем самым было дано понять: ссора с Турцией — дело профессионалов МИДа, администрации президента, гостелерадио. Любительской инициативе тут не место.

Несмотря на принятый Думой в 2013 году закон об ответственности за оскорбление чувств верующих, в 2015-м был приговорен к 15 суткам и общественным работам Дмитрий Цорионов, глава организации «Божья воля», который в качестве оскорбленного верующего отправился опрокидывать экспонаты на выставке в Манеже. Позже был уволен его покровитель — спикер Патриархии священник Всеволод Чаплин. Правительству виднее, когда, где и кем именно оскорблены чувства верующих.

Можно проклинать 90-е последними словами, что и делают пропагандисты на госканалах, но наказание деятелей 90-х — исключительная компетенция государственной машины, а народная месть им — тяжелое государственное преступление. Авторы покушения на Анатолия Чубайса, одного из главных отрицательных героев в словаре государственников,

получили самые суровые судебные приговоры. Той же осенью 2014 года, когда пропагандистские передачи помещали рок-музыканта Андрея Макаревича в первый ряд «национал-предателей» за то, что он давал концерты на Украине, Мосгорсуд приговорил к трем годам тюрьмы нацбола Олега Миронова, который из лучших патриотических чувств сорвал концерт Макаревича, распылив газ из баллончика¹⁰.

Лояльные власти активисты из движения «СтопХам» филиала движения «Наши» на президентские гранты боролись с теми, кто с особым цинизмом паркуется на тротуарах и во втором ряду. В 2016 году организацию ликвидировали по требованию Минюста. Пусть с циниками борется полиция.

Несмотря на государственную кампанию за нравственность, группы вымогателей «Оккупай-педофилай» и «Оккупай-геронтофилай», которые под видом борьбы с педофилией устраивали охоту на любых представителей сексуальных меньшинств и вообще врагов (по словам вдохновителя обеих групп неонациста Марцинкевича, «для выявления сущности либерализма»), были разгромлены, а их участники приговорены к тюремным срокам в том же 2013 году, когда Дума приняла антигейские законы. Следствие велось среди прочего по статье «о возбуждении ненависти по признаку принадлежности к социальной группе людей, объединенных сексуальной ориентацией». На другого неонациста, Вячеслава Дацика, завели два уголовных дела в мае нынешнего, 2016 года за погромы в санкт-петербургских борделях, которые он учинил под лозунгами борьбы за общественную мораль¹¹. Идея православных городских патрулей, которую настойчиво предлагали некоторые священники, не пошла дальше отдельных экспериментов.

Пока в стране и мире унывали из-за увольнения главных редакторов «РБК», в ультрапатриотической части общества переживали свою потерю. Весной 2016 года газета «Известия», которая ценилась в патриотических кругах как главная платформа для своих колумнистов, сменила собственника и редакционную политику. Из раздела «Мнения» исчезли имена тех, кто яростней всего выступал за Новороссию, разрыв с Западом и борьбу с внутренним врагом. Кстати, колумнистом «Известий» был Рамзан Кадыров, именно там он опубликовал знаменитую колонку в стилистике конца 1930-х, где призывал «не заигрывать с шакалей стай» и не щадить врагов России¹². Для патриотических критиков российского режима это победа «пятой колонны» над здоровыми силами. «Грусть за Россию. Один из немногих источников света, защищавших ее [России] пространство от наплыва черной ночи, полной ужасов, затуманивается и гаснет», — написал о переменах в газете один из ее бывших колумнистов Егор Холмогоров¹³.

Наказание деятелей 90-х — исключительная компетенция государственной машины, а народная месть им — тяжелое государственное преступление.

29 апреля активисты НОД («Народно-освободительного движения», связанного с радикальным депутатом Думы Евгением Федоровым) напали на победителей конкурса школьных сочинений о войне, организованного «Мемориалом». Они выкрикивали оскорбления, облили зеленкой гостя церемонии — писателя Людмилу Улицкую. «Мемориал» — одна из самых нелюбимых НКО у российского руководства, а единомыслие по поводу всех действий СССР времен Второй мировой войны — одна из его заветных целей. Однако пресс-секретарь В.Путина Д.Песков категорически осудил нападение: «Это хулиганство. Это безобразие. Это те, кто, прикрываясь георгиевской ленточкой, дискредитируют ее. Хотя вряд ли такие элементы могут ее дискредитировать. Но, безусловно, это абсолютно неприемлемо»¹⁴.

Чаще всего государство оставляет без внимания нападения на несистемных оппозиционных политиков. Например, дело по поводу нападения казаков на Алексея Навального в Анапе в мае 2016 года на момент написания статьи не было открыто.

Тем не менее, хотя государство грозит оппонентам и наказывает их, оно далеко не всегда бывает довольным, когда эту функцию у него перехватывают другие.

Хаос во имя порядка

Если продолжить превращать слова в термины, то по отношению с народом эти две разновидности режимов можно описать как герметичные и открытые. Открытые живут в одном пространстве со своими сторонниками: правящая бюрократия и группа поддержки словно все время объединены общей борьбой. Это похоже на состояние политика, которое Гарри Трумэн описывал идиомой «сидеть на спине у тигра», восходящей — привет Мао — к китайской пословице «сел на тигра — не слезешь» (ей отчасти соответствует русская идиома «оседлать волну»).

В герметичных, статических режимах правящая бюрократия изолирована и от лояльных граждан: она не нуждается в соавторах повестки, а поддержку предпочитает принимать в пассивной форме подчинения и порядка. Как искренне умилилась на совещании в ЦК московский секретарь по идеологии А.П.Шапошников в разгар 1968 года, когда в Китае бушевали хунвейбины, в США — пацифисты, во Франции — студенты: «Прочтешь про подобные безобразия — и улыбаешься лишний раз: какой же все же у нас сознательный, дисциплинированный народ!»¹⁵

Описанная разница существует не только между Россией и Украиной, Саудовской Аравией и Ираном, но и между СССР и коммунистическим Китаем, Кубой и Венесуэлой, Югославией Тито и националистическими Сербией Милошевича и Хорватией Туджмана, коммунистическим Вьетнамом Хо Ши Мина и красной Кампучией Пол Пота и т.д. При сходстве идеологий, символов и священных марксистских писаний Китай,

с его «митингами критики и борьбы» и чистками партийного аппарата снизу, был полной противоположностью СССР, где чистки проводились сверху, а людей иногда выпускали постоять с плакатами.

«Полный беспорядок в Поднебесной ведет к всеобщему порядку, — писал Мао в 1966 году. — Это повторяется через каждые семь-восемь лет... Пройдет семь-восемь лет, и снова поднимем движение по выметанию нечисти: впоследствии надо будет много раз ее вычищать»¹⁶. Главный инструмент чистки — низкой «хаос, который ведет к порядку». Это, конечно, чуждо и зрелому СССР, и современной России.

Когда Фидель Кастро начал копировать советскую консервативную модель, Че Гевара бежал с Кубы от скуки. Он не бежал бы из Венесуэлы Чавеса, где власть не только все время стремится обновлять революционный мандат на выборах и референдумах, но и постоянно находится в состоянии обмена лозунгами и инициативами со своими сторонниками, поддерживая циклы хаоса (правда, сейчас настоящий хаос наступает ее вопреки собственному желанию).

Югославия Тито представляла собой статический консервативный тип, где наверху сиял неизменный маршал, а главным достижением была победа над немецким фашизмом. Сербская диктатура Милошевича и хорватская Туджмана воспринимались на ее фоне как демократии, потому что все время обращались к народному чувству родины и справедливости и вели крикливое собрание соотечественников туда, куда оно, в сущности, хотело.

Живописные пары являют собой антимарксистские режимы Южной Европы и Латинской Америки. Практики и риторика Муссолини, очевидно, были гораздо более революционными и динамическими по характеру. В конце концов, даже его главный критик, социалист Джакомо Маттеотти, судя по всему, был убит фашистскими активистами без ведома дуче. Вероятно, сказывался его социалистический бэкграунд и общая популярность идеи антибуржуазной революции в тогдашних развивающихся странах Европы. Франко после окончания Гражданской войны выстроил полностью централизованное государство, консервативное не только по идеологии, но и по практике. И хотя в 60-е он перешел от этатизма в экономике к рыночным реформам и несколько либерализовал частную сферу, но не ослабил ни единого винтика в политической системе.

Пиночет, с его страной — воинской частью и одним от начала до конца правления экономическим и внешнеполитическим курсом, был полной противоположностью Перону в Аргентине, который как будто бы сам не знал, чего хотел: менял программы и ориентиры, был то против католической церкви или США, то за. Главным для Перона была движуха — постоянно вовлекать народ во все новые кампании, собирать гигантские

Хотя государство грозит оппонентам и наказывает их, оно далеко не всегда бывает довольно, когда эту функцию у него перехватывают другие.

митинги, проводить марши, устраивать массовые раздачи бедным. Лишь бы держать в революционном возбуждении сторонников и самому держаться на нем.

С другого конца политического спектра — Социалистическая Республика Вьетнам и Демократическая Кампучия. В те же годы, когда коммунисты во Вьетнаме при помощи советников из СССР построили бюрократический вариант социализма, красные кхмеры использовали для реализации своей программы банды подростков, которые убивали сограждан подручными средствами. В то время как Вьетнамом управляла знакомая нам партийная номенклатура, красные кхмеры настаивали на том, что у них нет вождей, а есть революционное равенство, так что сама их диктатура долго оставалась анонимной: населению было известно о ЦК, где есть «брат 1», «брат 2», «брат 3» и т.д. Два соседних коммунистических режима-ровесника (Сайгон и Пномпень оказались в руках коммунистов почти одновременно в апреле 1975 года) вышли настолько разными, что всего через четыре года вьетнамцы свергли бывших союзников по борьбе, чтобы те не позорили социализм. Практики, которые их разделяли, оказались сильнее теории и символики, которые объединяли.

Обе разновидности режимов отличаются и по их отношению ко времени: у них, как сказал бы Бахтин, разный хронотоп. В статических режимах легитимация власти опирается почти исключительно на прошлое — времена сакрального события и отцов-основателей, — которое надо отмечать при помощи соответствующих ритуалов. Даже если в роли сакрального события выступает революция, она в прошлом, а в настоящем сплошная преемственность. В динамических режимах легитимация продолжает строиться в режиме live: им словно бы нужно снова и снова повторять сакральное событие в настоящем, революция здесь перманентна. Они относятся друг к другу как грамматические перфект и презенс, как митинг времен «культурной революции» и юбилейный праздничный концерт.

Революционный консерватизм

За пределами бурных революционных периодов в российской истории не так уж часты примеры, когда власть прибегает к децентрализованной низовой активности своих сторонников. Из дореволюционных случаев миру запомнилась погромами монархическая православная самодеятельность. В позднем СССР молодежь с рабочих окраин маскировала желание подраться под идейную борьбу против компрометирующих советский строй сверстников — панков, рокеров, металлистов, припозднившихся хиппи. Самых патриотов называли люберами — по имени промышленного города — спутника Москвы, где неблагополучная молодежь жила мифом о своем правильном пролетарском происхожде-

нии и настоящем патриотизме. Последний отзвук этого имени дожил до нашего времени в названии группы «Любэ», выступающей в жанре рок-шансона — смеси патриотизма, рок-н-ролла и криминальной романтики. Президент Путин неоднократно признавался в любви к этому музыкальному коллективу.

Позднесоветский опыт очень хорошо знаком как раз тому поколению, которое сейчас находится у власти в России. Может быть, поэтому патриотические молодежные объединения у них каждый раз выходят похожими на смесь люберов с другими знакомыми с детства организациями — пионерией и комсомолом (а получается автомат Калашникова). Все молодежные прокремлевские организации последних лет и есть такие драчливые комсомольцы.

Оба самодеятельных патриотических движения — и черносотенцы, и люберы — возникли в момент, когда политические режимы, которым они взялись помогать, перезрели и сами готовы были упасть. Стоит отдельно исследовать вопрос, не является ли такая низовая активность защитников режимов одним из симптомов их скорого конца или трансформации. Логично, что низовой патриотический активизм возникает в ответ на загнивание: власть не может остановить расползание «негативных явлений», и консерваторам — тем, кто хочет, чтобы все осталось как есть, — приходится браться за революционные методы консервации.

И царский, и поздний советский режимы не всегда понимали, что делать с этими часто непрощеными сторонниками, и занимали позицию непротивления насилием полезному злу, чтобы не отталкивать последних искренних союзников. Одновременно они пытались управлять ими посредством контактных лиц в спецслужбах — подобно тому, как в наше время пытаются работать с националистами и футбольными болельщиками. Однако в обеих поздних империях, царской и советской, действительно ценным активом властей были не идейные непоседы, а лояльное и дисциплинированное большинство, пока оно оставалось лояльным. Именно молчаливое прекращение его лояльности оказалось для них фатальным, и никакие лояльные активисты этой беде не помогли.

Малые и большие формы

При раннем Путине серьезные попытки защитить российскую политическую систему при помощи неформальных патриотических групп относятся ко временам «цветных революций». События в Киеве, до этого в Белграде и Тбилиси, а после в Бейруте и Бишкеке подтвердили гипотезу российского руководства о том, что внешние силы (США) пытаются менять неудобные им режимы «по одному сценарию»: используя местных оппозиционных политиков, а на улицах — критически настроенную

молодежь. Этот сценарий следует предотвратить в России, подготовив для ответной уличной активности патриотическую молодежь, заодно пополнив ее ряды теми, кто сейчас не находит себе места. Так появились «Наши», «Молодая гвардия „Единой России“» и трудноотличимые от них комсомолы капиталистической России. Процесс учреждения патриотических молодежных организаций не остановился

по сей день: в конце мая 2016 года возникла новая — «Юнармия», под кураторством Министерства обороны и его министра Шойгу.

Предшественницей «Наших» была организация «Идущие вместе», созданная в январе 2000 года. После 90-х, которые большая часть населения страны пережила как время сдачи Россией своих позиций в мире, был спрос на патриотическую и антизапад-

ную риторику, которую в 90-е власть почти не использовала, целиком уступив парламентской и радикальной внепарламентской оппозиции. Похоже, что свои молодежные организации Кремль создавал под впечатлением не только белградского и киевского «майданов», но и нацболов Э. Лимонова, которые прославились протестными акциями радикально-патриотической молодежи.

У патриотических движений с самого начала были и по сей день остаются два главных *modus operandi*: массовые митинги, которые должны продемонстрировать силу, и действия малых групп активистов, призванные показать решимость. Первые отражают (и в смысле «копируют», и в смысле «противостоят») массовый выход недовольных на улицы, вторые представляют собой российский ответ на чужой радикальный протестный или патриотический активизм — от нацболов до современных киевских патриотов, которые атакуют неугодных политиков и журналистов.

Это вписывается в то, как российская власть вообще реагирует на вызовы. На каждый она старается ответить зеркальным образом. В любой ситуации важно показать нашим противникам: все, что они позволяют себе, посмеем и мы. Обратное — проявление слабости.

Задолго до нынешнего антизападного курса во внешней политике и борьбы за мораль во внутренней «Идущие вместе» сосредоточились на обидах, которые иностранцы наносят российским гражданам, внутренних врагах и борьбе с разлагающим влиянием некоторых представителей современного искусства. Предшественники всех более поздних прокремлевских активистов пикетировали французское посольство в поддержку Натальи Захаровой (французский суд лишил ее родительских прав и оставил ребенка с мужем-французом), американское посольство — в защиту арестованного в США по обвинениям в коррупции крупного чиновника П.П.Бородин (управделами президента при Ельцине, при Путине — государственного секретаря Союзного государства России и Белоруссии),

На каждый вызов российская власть старается ответить зеркальным образом. Ей важно показать противникам: все, что они позволяют себе, посмеем и мы.

обменивали книги «плохих писателей» Пелевина и Сорокина (а заодно Карла Маркса) на хорошие, а плохие демонстративно спускали в унитаз; перед думскими выборами 2003 года повесили на гостинице «Москва» плакат с тогда еще опасным для властей Зюгановым и уже гонимым олигархом Березовским.

Зато первая массовая акция в мае 2001 года была выдержана в традициях статических режимов: в день инаугурации президента несколько тысяч молодых людей выстроились на Васильевском спуске у Кремля в одинаковых синих футболках с надписью «Всё путем». Рядовые участники получили небольшое денежное вознаграждение (иногородние — саму возможность съездить погулять в Москву), «комиссары» — пейджеры для связи в подарок. Студенты и старшие школьники ближних областей так и останутся главным ресурсом централизованно управляемых прокремлевских организаций¹⁷.

Это различие сопровождает прокремлевские акции до сих пор: малые формы, где действуют только активисты, гораздо живее и радикальнее крупных, к которым приходится привлекать балласт. А вывести на улицы в поддержку власти большие массы людей — так, чтобы они это сделали добровольно, — в статических консервативных режимах почти невыполнимая задача.

По прошествии времени мы видим, что лозунги прокремлевских молодежных организаций предвосхищали будущие официальные. Хотя их деятельность контролировалась сверху, она была полигоном идей и практик, к которым власть позже прибегала на официальном уровне. Даже подконтрольные низовые движения, будучи порождением правящей бюрократии, в свою очередь оказали на нее влияние: бюрократам пришлось вступить в негласное состязание с собственным более радикальным порождением. Ребе Лёв приобрел некоторые черты созданного им голема.

Идентификация противника

«Наши» появились в 2005 году, после первого киевского «майдана» (в них влились «Идущие вместе» и несколько организаций помельче). Главным из комиссаров остался глава «Идущих вместе» Василий Якеменко, а куратором — Владислав Сурков, так что в деятельности движения мало что изменилось. Но возник новый элемент: хотя слово «фашист» не применялось к участникам первого украинского «майдана», организация «Наши» была названа антифашистской. Все их противники, таким образом, оказывались в некотором роде фашистами. Это станет потом одним из главных приемов новой российской идеологии: мы страна, победившая фашизм, значит, наши противники или просто критики — пособники фашизма.

Под антифашистскими лозунгами «Наши» провели в 2007 году серию акций в Москве и Эстонии против действительно неуклюжего де-

монтажа памятника советскому солдату в таллинском парке. В Москве, в частности, блокировали эстонское посольство и преследовали машину эстонского посла. В том же 2007 году «Наши» не давали прохода британскому послу за выступление на форуме «Другой России», где он пообещал помогать российским НКО. Тема преследования тоже была антифашистской: он считает русских дикарями, которых Запад должен цивилизовать, как Гитлер считал их унтерменшами. Досталось и российским оппозиционерам и правозащитникам.

Однако все акции «Наших» имели важное отличие от низовой активности нашего времени: они никак не были связаны с насилием, почти не было случаев вреда здоровью и имуществу.

«Молодая гвардия» выступала как идеологический союзник «Наших», а иногда как оппонент в соперничестве за административный ресурс. Враги, идеология и методы у них были схожими, это автоматически приводило к борьбе за то, чья акция получит одобрение политического руководства, финансирование и попадет в новости на ТВ. «Молодой гвардией» руководили из Кремля опосредованно, через «Единую Россию» и ее местные организации, а «Нашими» — напрямую из администрации президента. Именно поэтому «Молодая гвардия» пережила отставку кремлевского куратора «Наших» Владислава Суркова.

Хотя СМИ сразу же начали сравнивать «Идущих вместе» и «Наших» не только с комсомолом, но и с гитлерюгендом и хунвейбинами, все три сравнения неточны. В отличие от немецкой ситуации и даже от СССР,

Хотя СМИ сразу же начали сравнивать «Идущих вместе» и «Наших» с комсомолом, гитлерюгендом и хунвейбинами, все три сравнения неточны.

членство в «Наших» не стало необходимостью для всех молодых людей и никогда не было обязательным условием учебы и дальнейшей карьеры. Примеры успешных карьер есть, но политический и служебный рост, не говоря о корпоративном, успешно происходил и без всякой связи с членством в молодежных организациях, никакого засилья бывших молодежных активистов на командных постах политики и экономики не наблюдается. Это еще раз подтверждает принадлежность России к консервативным режимам, в которых карьеры делаются не посредством политического активизма, а благодаря личным связям и профессиональным навыкам.

Сравнение с хунвейбинами уводит от истины не только потому, что китайские бунтари были гораздо более самостоятельными и непослушными, но и потому, что их главной целью были представители государственного, вузовского и партийного руководства. Между тем «Наши» и подобные им организации за все годы своего существования почти не атаковали представителей власти. Эту опцию Путин попытался реализовать позже во «взрослом» движении «Народный фронт», но и она проводится под внимательным руководством сверху и крайне осторожно и непоследовательно.

Работа над ошибками

Но час пробил, и с ним была плутовка такова. Когда зимой 2011/12 года случились те самые протесты, на случай которых создавались прокремлевские молодежные организации, их комиссары не смогли вывести на улицы обещанные десятки тысяч молодых патриотов. Властям пришлось в срочном порядке собирать свои митинги, используя другие каналы. «Наши» были официально распущены в 2013 году, а их куратор Сурков покинул свой пост замглавы администрации Путина.

Хотя идея мобилизации лояльной молодежи никуда не делась, молодежный период прокремлевского активизма закончился. Начиная с Болотной и дальше, во времена Крыма и Донбасса, власть противопоставляла своим врагам преимущественно «взрослых» активистов. Добровольцы, казаки, байкеры, «Антимайдан», обещанные полпредом Холманских рабочие Уралвагонзавода, не говоря уж о группе поддержки Рамзана Кадырова, — всё это организации с другим средним возрастом, чем кремлевские скауты с их затянувшейся зарницей.

Первый провластный митинг после начала московских протестов состоялся на Манежной площади в честь Дня Конституции 12 декабря 2011 года. После митинга на Болотной площади 10 декабря, куда пришли, даже по официальным оценкам, десятки тысяч человек, прокремлевская акция «Единой России», собравшая 5–7 тысяч человек, выглядела неубедительно и продемонстрировала худшие стереотипы, накопившиеся по поводу провластной уличной активности: одинаковые, заранее напечатанные и розданные плакаты; привезенные на автобусах бюджетники, пенсионеры и среднеазиатские гастарбайтеры из коммунальных служб, которые, отметившись у организаторов, быстро расходились по своим делам. Зато на митинге выступил Дмитрий Rogozin, только что вернувшийся в Москву с поста представителя России при НАТО, — один из немногих высоких чиновников с опытом протестной уличной политики. Он привел остатки своей организации «Конгресс русских общин», критиковал не только оппозицию, но и власти, использовал националистические лозунги.

Наперегонки с оппозицией власть училась собирать митинги, и, хотя мобилизация бюджетников была их постоянной чертой, каждый следующий удавался лучше предыдущего. Неформальным митингам оппозиции решили противопоставить неформальные митинги за власть. Организатором следующих была уже не партия власти, а малоизвестное тогда движение «Суть времени» политолога С. Кургиняна или партия «Патриоты России» и тот же «Конгресс русских общин» Д. Rogozina. Конечно, без бюрократического ресурса они не собрали бы ста тысяч человек, как на Поклонной горе в феврале 2012 года. Но в любом случае все проходило живей, лозунги стали неформальнее, и были, несомненно, добровольные участники.

Продолжение истории, которое сами участники митингов 2011—2012 годов вряд ли могли себе представить: связанный с движением «Суть времени» добровольческий отряд воевал в Донбассе и попадал в сюжеты российского ТВ, например во время боев под Дебальцевом в январе 2015 года¹⁸.

Организаторы научились еще одной вещи: прокремлевские митинги были не столько за власть, сколько против ее оппонентов. Лозунги и речи особенно удавались ораторам, когда они обличали протестующих. Так и должно быть: население неохотно выходит на улицу в поддержку властей, особенно в консервативных режимах (в них власть должна справляться с трудностями сама), зато провластные активисты лучше мобилизуются под лозунгами против врагов. Лоялистская активность становится более искренней, если ей самой придать форму протеста. Российское руководство учитывает это при организации всех следующих акций: против чужих всегда выходит лучше, чем за своих.

Согласно одному из последних опросов «Левада-центра» (29 апреля 2016 года), готовность поддержать власть на улице начала снижаться: только 17% жителей России были готовы принять участие в массовых демонстрациях в поддержку политики президента и правительства, 73% респондентов сказали, что на такие мероприятия не пошли бы¹⁹. Одновременно 82% одобряли деятельность Путина на посту президента и 54% — Медведева на посту главы правительства. В демонстрации протеста против экономической и социальной политики властей согласились бы принять участие 11%, а не пошли бы на нее 79%. То есть выйти на улицу по призыву непопулярной оппозиции и сверхпопулярного президента граждане не готовы примерно одинаково.

С начала 2015 года по середину 2016-го количество желающих выйти на оппозиционный митинг колеблется в пределах 3–7%, количество желающих выйти на митинг по призыву власти — 5–10%. Зато мы наблюдаем другой разрыв: число готовых выйти на митинг против власти (3–7%) сопоставимо с числом готовых высказываться против власти, никуда не выходя (4–6%). В то же время людей, готовых высказываться в поддержку власти, но при этом никуда не ходить по ее призыву, в разы больше, чем тех, кто готов к выходу: первых 17–23%, вторых, как мы видели, 5–10%. Типичная картина для той разновидности режимов, где даже самые лояльные граждане предполагают, что от них требуется согласие, а не активность.

Это соотношение в целом стабильно: в 2012 году, когда на оппозиционные митинги власть отвечала своими, выйти в поддержку власти были готовы те же 23%, не готовы — 45% и еще 19% пришли бы, если бы на митинге перед ними выступил сам Путин. Однако опросы и статистика показывают нам стремление власти нарастить уличную поддержку, активизировать сторонников, добавить революционной динамики. Между 2012 и 2015 годом в четыре раза выросло число людей, участвовавших

в митингах, — в основном за счет тех, кто принимал участие в митингах в поддержку власти. В 2012 году участниками митингов признали себя 1% опрошенных, в 2015-м — уже 10%²⁰. За те же три года между Болотной и Донбассом увеличилось число желающих выходить на митинги за власть: в 2015 году их стало в шесть раз больше, чем в 2012-м, добавились новые категории граждан и новые возрастные группы²¹.

На спине у тигра

Большие провластные митинги были явным признаком того, что власть в трудные для себя минуты попыталась ощутить или создать восходящий поток народной поддержки, сделать российский авторитаризм более динамичным.

Затем народная инициатива оказалась востребована в борьбе с ЛГБТ и послом МакФолом, которых выбрали на роль главных врагов до второго киевского «майдана». Наконец, война в Донбассе стала временем, когда российский режим максимально приблизился к не свойственному ему революционному динамическому состоянию.

Для популистского динамического режима народная поддержка важнее, чем для элитарного и консервативного. Власть нашла набор ценностей, который обеспечит ей широкую народную поддержку в антизападничестве, моральном консерватизме и религиозности. В выборе ценностей для общей с народом платформы, вероятно, большую роль сыграли массовые народные стояния к святыням: многотысячные круглосуточные очереди в разных городах к мощам св. Пантелеймона, частице Креста, Поясу Богородицы, который консервативные деятели и бизнесмены привозили в Россию (Пояс Богородицы привезли поздней осенью 2011 года, как раз накануне протестов).

Большинство опрошенных одобрили запретительные законы, принятые Думой в течение 2013 года, цементирующие единство власти и народа поверх голов элиты: закон о запрете пропаганды нетрадиционных отношений (42% были «определенно за», 25% — «скорее за», «против» — 7%), закон о защите чувств верующих (27% — «за», 28% — «скорее за», «против» — 9%), закон об НКО — иностранных агентах (14% — «за», 21% — «скорее за», 8% — «против»)²².

Целями провластных активистов стали враги, обозначенные в этих законах: представители ЛГБТ, «оскорбительное» искусство, НКО и оппозиционные политики. Не все акции координировались наверху, тем более на самом верху, но новые законы, риторика депутатов и государственных пропагандистов создали ощущение легитимных целей для децентрализованного насилия со стороны патриотических и религиозных активистов. Словесная санкция на самодеятельное насилие была дана на высшем уровне прямо во время прямой линии «Владимир Путин — народ», которая совпала с московскими протестами декабря 2011 года.

Начальник цеха Уралвагонзавода Георгий Холманских предложил решить вопрос революционными методами в обход государственной монополии на насилие. «Если наша милиция, или, как сейчас она называется, полиция, не умеет работать, не может справиться, то мы с мужиками готовы сами выйти и отстоять свою стабильность, но, разумеется, в рамках закона». Путин отреагировал доброжелательно («Подъезжайте, — с улыбкой сказал он, вызвав смех аудитории. — Но не сейчас»), а в мае следующего года назначил Холманских своим полпредом в Уральском федеральном округе. Никуда он «с мужиками» не вышел, но тот факт, что угроза применить самодеятельное насилие санкционирована на высшем уровне и ведет к карьерному росту, запомнился.

К обычным разгонам демонстраций ЛГБТ добавились нападения на гей-клубы и просто нападения на активистов и представителей ЛГБТ. Придя в православный храм с акцией, Pussy Riot в некотором смысле открыли дверь в обратном направлении: нападения на выставки, спектакли и даже неправильные изображения на исторических зданиях, и прежде изредка случавшиеся, пошли одно за другим.

Расцвело третье направление — борьба с НКО и несистемными оппозиционными политиками. Худшим, что случилось на этом направлении, было убийство Бориса Немцова 27 февраля 2015 года. Но и это не положило конец угрозам и нападениям на представителей «пятой колонны». Потом были нападения на Касьянова, Навального, участников конкурса «Мемориала».

Однако, очевидно, в задачи власти не входит «окончательное решение» ни по одному из направлений: и ЛГБТ-клубы, и современное искусство, и театр по-прежнему существуют, хоть и не без трудностей, и представлены шире, чем во многих свободных странах. Хуже всех приходится политикам и правозащитникам, но даже им по-прежнему оставляют резервацию, как принято в странах гибридного, или «маскирующегося», или транзитного авторитаризма.

Добровольцы

Звездный час добровольного патриотического активизма и децентрализованного насилия — это время Майдана и войны на востоке Украины. Для гибридной войны понадобились добровольцы, рекрутеры, неформальные группы по интересам, организации, занятые логистикой и прочими надобностями войны, в которой государство не хотело участвовать напрямую. А для того чтобы закрепить впечатление именно добровольческого характера войны, понадобилось широко освещать и расхваливать их деятельность.

Россия 2014–2015 годов — это страна независимых героев в камуфляже, которые в глазах многих простых людей выгодно отличаются от чиновников в костюмах и галстуках. Уже хотя бы тем, что решаются говорить вслух то, чего не позволяют себе представители власти (эти вечно

мямлят). Это время расцвета военно-патриотических и прочих бойцовско-исторических клубов, блогеров, локальных сетевых ресурсов, многочисленных негосударственных силовиков (добровольцы, казаки, ополченцы), притягательных альтернативных символов и ритуалов (имперские флаги патриотов, добровольческая и казацкая символика; изображения, напрямую сочетающие советские, националистические и православные элементы), радикальных лозунгов. Пропагандируя героев Крыма (Чалый в свитере) и народных республик (Стрелков, Захарченко, Плотницкий в форме), власть узаконила автономию и независимость — не только от украинских властей, против которых восстали Крым и Донбасс, но в некотором смысле и от российских. Ведь все эти люди, по официальной версии, поехали туда добровольно. Сепаратист — человек, по определению не подчиняющийся власти, автономный, неформальный.

Если мы сравним два сюжета одного и того же телеканала НТВ, станет ясно, насколько больше стало позволено активистам. Один снят в 2013 году, в разгар кампании против гей-пропаганды²³. Тон сообщения нейтральный, нападающим не дают слова, они в масках, жертвы нападения спокойно рассказывают свою версию происшествия, не звучит одобрения ни одной из сторон. Совершенно другое дело — сюжет «Казаки приструнили правозащитников, помогающих Евромайдану», который был показан на том же НТВ год спустя, зимой 2014 года, под конец киевского Майдана²⁴. Это гимн самодеятельному насилию: люди в одежде paramilitary с крестами и славянской вязью переворачивают стулья и компьютеры в офисе Общества защиты прав потребителей, надевают на головы его сотрудникам пакеты и угрожают им за помощь «фашистам» на Майдане, а потом с открытыми лицами перед камерами произносят угрожающий манифест.

После Евромайдана самодеятельные патриоты в масках, камуфляже и с оружием стали главными героями российского публичного пространства, потеснив в нем высокопоставленных бюрократов. Это Гиркин (Стрелков), бывший «народный мэр» Славянска Пономарев, первый «народный губернатор» Луганской области Валерий Болотов, атаман Козицын, Губарев, Пушилин, Пургин, Игорь Безлер. В отличие от государственных деятелей и действующих военных многие из них известны не по реальным именам и фамилиям, а по боевым позывным и кличкам. Главные герои 2014–2015 годов — Бэтмен, Моторола, Гиви, тот же Стрелков, что-то вроде партийных кличек деятелей революционного подполья. Период динамических экспериментов вынес наверх революционные типажи.

Вербовкой и отправкой добровольцев и прочими вопросами гибридной войны занималось множество организаций. Их роль в больших

Россия 2014–2015 годов — это страна независимых героев в камуфляже, которые в глазах многих выгодно отличаются от чиновников в костюмах и галстуках.

официальных СМИ не слишком выпячивали. Там предпочитали такую картину: воюют в основном местные и отдельные неравнодушные россияне, каждый из них приехал туда сам, когда узнал о зверствах карателей и страданиях людей. Во многих случаях так и было, но в поисках возможностей приехать им помогали организации. Логистика добровольческой войны потребовала большого числа не полностью подконтрольных бюрократии горизонтальных связей между людьми радикальных патриотических убеждений.

Многочисленные фонды, сайты, группы в соцсетях: Фонд помощи Новороссии, фонд «Народ — Донбассу» бизнесмена и религиозного идеолога Константина Малофеева, Фонд имени Святителя Тихона, «Союз донбассцев», «Землячество Новороссии», фонд «Спаси Донбасс», региональные организации вроде «Алтай — Донбасс», союзы ветеранов боевых действий в Афганистане и Чечне, сайты вроде dobrovolc.org, казачьи организации — все они собирали и в контакте с властями народных республик и полевыми командирами доставляли в Донбасс амуницию, медикаменты, деньги, одежду, стройматериалы. Часть этой инфраструктуры использовалась для вербовки желающих воевать, доставки их к месту боевых действий, оплаты в случае необходимости вывоза и лечения и т.д. Сайт dobrovolc.org открыто благодарит жертвователей за помощь перевалочной базе добровольцев, через которую их отправляют на линию фронта, и предлагает заполнить анкеты тем, кто желает ехать на войну²⁵. Соответственно есть попытки самоорганизации добровольцев, вернувшихся в Россию, вроде «Содружества ветеранов ополчения Донбасса» или «Союза добровольцев Донбасса» (последний, впрочем, считается попыткой Кремля перетянуть бывших ополченцев из-под контроля не слишком послушного Гиркина-Стрелкова).

Сквозь консервативную элитарную диктатуру вдруг ненадолго прорвался мир намного более радикальный и громкоголосый — показал голову тот самый тигр, на котором едет вроде бы уверенный в себе седок.

Другим очагом нарушения статичной российской традиции оказалась Чечня Рамзана Кадырова. Миллионные митинги в защиту Пророка от богохульной Европы; потом в защиту чести лидера от либеральных СМИ и предателей; народные кампании «Рамзан, не уходи», развернутые перед федеральным центром; угрозы не только самого чеченского главы, но «простых сторонников» Рамзана федеральным политикам и журналистам; убийство Немцова; избиение неизвестными патриотами правозащитников, связанных с Президентским советом, — все это не только нарушение монополии центра на насилие, но и все основные признаки динамической диктатуры в одном продуктивном наборе.

Кадыров, кстати, предложил заплатить штраф за футболиста Тарасова и позвал его играть в грозненский «Терек», в очередной раз косвенно указав центральной власти на ее недостаточную решительность. Ведь

с точки зрения главы динамического режима его сторонники должны вести себя именно так, как Тарасов.

Прописан покой

Довольно быстро, однако, высшее политическое руководство России почувствовало, что революционный тип поддержки расходится с национальной традицией и привычным стилем управления, и распознало угрозу. Динамическое состояние оказалось недостаточно комфортным для правящей бюрократии — оно требует поддерживать живое общение со сторонниками, терпеть низовые инициативы, действовать рядом с неформальными лидерами, испытывая конкуренцию с их стороны: кто-то с горочки спустился, яркий орден на груди.

Донбасскую войну с разгулом беспокойных добровольцев заменили на сирийскую, которая полностью находится в ведении профессионалов из Министерства обороны, владеющих высокими военными технологиями. Операция в Сирии — дело правительства и его официальных вооруженных сил; ее герои не вчерашние шахтеры с ружьем и добровольцы, приехавшие из России по зову сердца, а спецназовцы с высшим военным образованием, полностью встроенные в официальную иерархию.

Совершенно верный ход для власти, которая осознает, что реальной угрозой для режима современной России, за исключением отдельных эпизодов, всегда были не либеральные силы, а левые и консервативно-патриотические — с лозунгами полной суверенизации, разрыва с глобальной экономикой, наказания всех внутренних и внешних врагов, тотального регулирования культуры и частной жизни и пересмотра налогов и собственности. Именно эти лозунги стали воплощаться, или во всяком случае обсуждаться, в героизированных Луганской и Донецкой республиках.

Сама лояльность российских добровольцев — вещь неочевидная. Она есть, пока намерения активистов и власти совпадают, но когда они расходятся, активность остается, а лояльность уходит. В июне нынешнего года «Общерусское национальное движение» под руководством Игоря Стрелкова выпустило декларацию, где заявлено: «Мы считаем, что существующий в России порядок обречен, причем в ближайшей исторической перспективе. Мы отказываем нынешнему политическому режиму в поддержке»²⁶. Ровно то же испытал в свое время Слободан Милошевич. Иллюзия контроля над сербскими добровольцами в Краине и Республике Сербской сохранялась, пока Милошевич не вступал в переговоры с Западом и не подписывал документов, которые требовали от воюющих республик компромиссов. Предупреждая возможность собственной замены, Захарченко и Плотницкий запретили въезд в свои республики многим украинским бизнесменам и политикам, которые в России считаются полезными и дружественными, — в том числе из

«Оппозиционного блока». С той же проблемой сталкивается руководство Армении, когда заходит речь о дипломатическом урегулировании статуса Карабаха. Правительство Украины с трудом встраивает в политическую систему бескомпромиссных героев АТО.

Не только по внешнеполитическим, но и по внутренним причинам в России начали сворачивать добровольческую активность: разгромили казаков в республиках, зачистили и дисциплинировали активистов и добровольцев. Новые герои, которые со скоростью останкинского лифта поднимались к общенародной славе, постепенно исчезали с экранов и, как писала Тэффи, подражая античным биографам, «впадали в ничтожество». Те, кто не исчез окончательно (Захарченко и Плотницкий), нужны для новостей о переговорах и судьбе Минского соглашения, а не для звуков сладких и молитв. Чалый в свитере проиграл борьбу Аксенову и той части крымских политиков, которые полностью встроились в традиции российской бюрократии: он все еще герой «русской весны», но больше не спикер севастопольского парламента.

Иногда случающиеся неожиданно радикальные выступления высоких чиновников, вроде статьи Бастрыкина в апреле 2016 года²⁷ («Хватит уже играть в лжедемократию, следуя псевдолиберальным ценностям») или заявлений Мединского, говорят не только о желании взять на испуг самых независимых граждан и представить президента гарантом умеренности. Это еще и обращение к самому гаранту: смотрите, мы заняли крайний окоп, мы нужны системе для того, чтобы аккумулировать энергию ее самых подвижных сторонников и конкурировать с неформальными лидерами сходных убеждений.

По данным марта 2015 года, добровольцам, воюющим в Донбассе, симпатизировали 65% жителей России. Такая популярность могла бы стать проблемой для чиновников, если бы добровольцы при определенных обстоятельствах стали участниками российской политики. Они могли бы закрепить в пространстве централизованного, консервативного, статического авторитаризма навыки децентрализованного насилия, свойственные динамическим режимам (вроде тех, которыми были первое время «народные республики», да и сама послереволюционная Украина).

Задача остановить рост их популярности, судя по всему, поставлена и решается осознанно. Пик прославления добровольцев, сначала мирных, «народных» мэров и губернаторов, потом воюющих, пришелся на весну — лето 2014 года. В целом же сюжеты о них продолжались до зимы 2015-го, примерно до подписания Минских соглашений. Никакой критики или переосмысления добровольческого движения Новороссии не было. Но вслед за постепенным приведением к относительной дисциплине самих республик государственные российские СМИ стали уводить сюжеты, связанные с добровольцами, на второй план.

Часть героев Новороссии — Безлер, Болотов, Бабай, Стрелков — вернулись в Россию после своего рода ультиматумов, выдвинутых мо-

сковскими кураторами сепаратистских республик: в самих республиках возник спрос на порядок, а России они мешали выходить с Украины, фиксируя прибыли и убытки на переговорах с Западом. В том, что «было коллективное решение» удалить Стрелкова из Донбасса, признается в интервью бывший премьер ДНР Бородай²⁸, сам, в свою очередь, оттуда удаленный — вероятнее всего, тем же коллективным решением.

Примерно с лета 2015 года о добровольцах в Донбассе практически перестали говорить, как и употреблять термин «Новороссия». Многие заметили, что Новороссии, которая была главным словом года, уже не было в обращении Путина к Федеральному собранию в декабре 2014-го. Последние обширные сюжеты о добровольцах относятся ко времени вторых минских переговоров и боев в Дебальцеве зимой 2015 года.

Специально для этой статьи Московский центр Карнеги заказал у компании «Медиадиагностика», занимающейся мониторингом и анализом СМИ, исследование, которое показывает динамику упоминаний добровольческих лидеров в сюжетах всех главных российских телеканалов²⁹. На графике частоты упоминаний лидеров Новороссии ясно видно три периода.

Первый период длится с марта до осени 2014 года, когда лидеры «русской весны», Новороссии, командиры добровольческих отрядов, «народные» мэры и губернаторы взрывным образом появляются в медиапространстве и активно конкурируют друг с другом за место в сюжетах на телевидении.

Второй период продолжается с осени 2014-го до осени 2015 года. Здесь на графике видно, что политические лидеры непризнанных республик занимают на российском ТВ на порядок больше места, чем все остальные персонажи конфликта на востоке Украины. Хорошо заметна попытка создать в общественном мнении из первоначального добровольческого хаоса некоторую иерархию во главе с потенциальными участниками переговоров. Начало этого медийного периода совпадает с подписанием первого Минского соглашения.

Третий период начинается с февраля 2015 года. После всплеска, связанного с боями в Дебальцеве и за Донецкий аэропорт, число упоминаний политиков и добровольцев Новороссии резко сокращается, продолжает падать в течение всего года и остается низким, особенно по сравнению с первым и вторым периодом.

Политическая судьба добровольцев внутри российской политики тоже пока не сложилась. С мая 2016 года началась подготовка к сентябрьским выборам в Думу. Однако ни «Единая Россия», ни более неформальный «Народный фронт», заявленный именно как неформальная организация, где активисты из народа могут критиковать чиновников, никак не пытаются использовать в предвыборной кампании героев Донбасса. Судя по тому, что их не приглашают и другие думские партии, в том числе

Задача остановить рост популярности добровольцев, принимающих участие в боевых действиях в Донбассе, судя по всему, поставлена и решается осознанно.

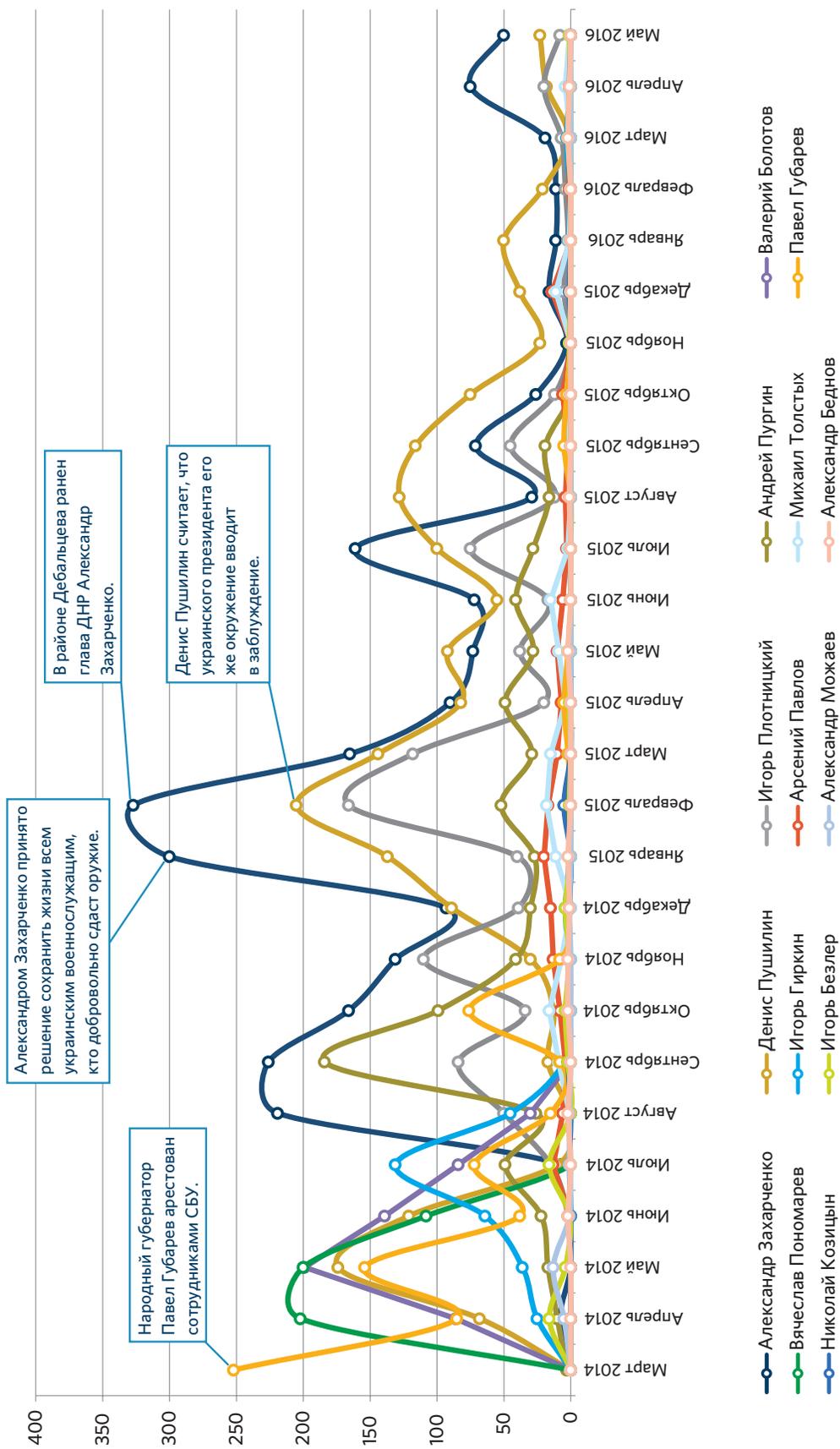

Рис. 1. Динамика количества упоминаний

Источник: Аналитический отчет «Политические и общественные деятели «Новороссии» в СМИ». М.: Компания «Медиалогия», 2016.

КПРФ и ЛДПР, где всегда было больше национал-патриотической риторики, это решение принято на самом верху и касается всей российской системной политики. Разительный контраст с судьбой украинских добровольцев, которые массово пришли в политику.

За полгода, с сентября 2014-го по май 2015 года, вырос процент тех, кто отзывался о Стрелкове (Гиркине) с восхищением (с 7 до 8%) и с симпатией (с 16 до 21%), а доля тех, кто отзывался о нем с антипатией и отвращением, упала соответственно с 3 до 1% и с 2 до менее чем 1%. За это же время доля тех, кто знает, кто такой Стрелков, увеличилась с 21 до 27% — очень высокий показатель для человека, сравнительно недавно появившегося в поле зрения³⁰.

Однако уже год спустя, по опросу «Левада-центра», который проводился в марте 2016 года, отрицательный рейтинг Стрелкова в несколько раз превышал его положительный рейтинг (20 и 5% соответственно), а положительный, в свою очередь, был сопоставим с рейтингами непопулярных деятелей либеральной оппозиции — меньше, чем у Касьянова, Рыжкова, бизнесмена Прохорова и Явлинского, и чуть выше, чем у Навального³¹.

Даже после года телевизионных и интернет-кампаний, прославлявших добровольцев и героев Новороссии, весной 2015 года большинство жителей России не хотели бы, чтобы лидеры Луганской и Донецкой народных республик принимали активное участие в российской политике: тех, кто был за их участие, набралось 29% (7% «определенно за», 22% «скорее за»), тех, кто против, 43% (16% «определенно против», 27% «скорее против»).

Это означает, что граждане России готовы поддержать революционную, ломающую порядок деятельность добровольцев за рубежом, у своих врагов, но не очень хотят видеть тех же низовых активистов участниками отечественной политики, опасаясь за стабильность.

И даже на пике антиукраинской кампании и войны за Новороссию максимум 10% жителей России были готовы заплатить за нее чем-то реальным: понести материальные расходы, поехать в Донбасс или послать туда своих детей. А абсолютное большинство (70%) отвечали в том духе, что пусть начальство платит, герои сражаются, а мы поддержим морально³².

На новых героев распространилось то же отношение, что и на официальных политических лидеров: мы готовы их одобрить, но не готовы участвовать. Консервативный статический режим во всей красе.

За монополию на силу

Кроме того, что самодеятельная активность создает дискомфорт для правящей бюрократии, население консервативных режимов испытывает испуг и непонимание, когда против врагов за провозглашенные ценности начинает бороться не государство, а частные лица.

В целом борьбу российских властей с «иностранными агентами» и «пятой колонной» считают полностью оправданной 41% опрошенных³³ (в 2014-м — 35%) — притом что 25–27% уверены, что в стране никакой «пятой колонны» нет. Однако когда речь идет об угрозах и проклятиях, отношение даже лояльных респондентов меняется.

На вопрос, допустимо ли, чтобы представители власти называли «врагами народа» и угрожали расправой тем политикам и общественным деятелям, которые критикуют нынешнюю российскую власть, 4% ответили «вполне допустимо» и 11% — «скорее допустимо». Недопустимым это считают 39% и абсолютно недопустимым — 20%. Таким образом, даже среди тех, кто верит в наличие внутренних врагов, только половина считает, что власть или ее отдельные представители имеют право прибегать к угрозам и ярлыкам в их адрес. Противников угроз втрое больше, чем сторонников, а категорических противников угроз впятеро больше чем категорических сторонников³⁴.

Даже тем жителям страны, которые признают наличие внутренней угрозы, комфортнее, чтобы их не привлекали к борьбе с ней, а с врагами разбирались сами власти, желательно без эксцессов. Это вызывает у обывателя и чувство собственной защищенности: идет борьба, но ей занимается кто надо, лишние не пострадают. А заодно избавляет от ответа на трудные вопросы и дискомфорта в области гражданского сознания: мол, «все делается по закону», времена стали мягче. Примерно этому запросу на мягкий отпор врагам старается соответствовать российская политическая и правовая машина, подчеркивая, что у нас «не 1937 год».

Другой пример на то же правило. Большинство жителей России считают, что религиозные святыни и чувства верующих надо защищать, — это выяснили опросы по делу Pussy Riot³⁵ и нападению на редакцию «Шарли Эбдо»³⁶. Однако опрошенные осудили и парижское нападение, и погром фанатиками выставки в московском Манеже.

Отвечая на вопрос «Считаете ли вы оправданными действия православных активистов, разгромивших недавно в Манеже выставку скульптур, которые они сочли кощунственными?», действия активистов признали оправданными 9% опрошенных (2% ответили «целиком оправданны», 7% «в целом оправданны»), в то время как неоправданными их считают 26%, а совершенно недопустимыми — 17% (остальные 48% опрошенных о событиях в Манеже не слышали)³⁷. Защитой, считают граждане, должно заниматься государство, а не добровольцы.

В 2015 году случились события, побудившие государство начать постепенно сдерживать практики, характерные для динамических режимов. Это убийство Немцова у южных стен Кремля — и разгром выставки в Манеже у северных.

Убийство Немцова поставило президента Путина в тяжелое положение: возникла необходимость выбора между федеральными силовиками

и Кадыровым. Он публично еще раз почувствовал на себе, что значит оказаться в ситуации «делают другие — отвечает Путин». Однако это то самое положение, в котором он и вообще руководство России будут оказываться всякий раз после любой громкой акции разошедшихся сторонников. Риски здесь могут перевешивать пользу. К тому же убийство Немцова не обрадовало, а напугало население и привело в недоумение³⁸.

Нападение православных активистов на выставку скульптора Вадима Сидура в Манеже тоже поставило власти перед неприятным выбором. Атаке подверглась не частная галерея, а государственный музей, где по плану Министерства культуры были выставлены вещи из другого государственного музея, созданные в середине XX века и давно ставшие классикой. И все это снова напротив Кремля. Музеи и их экспонаты, а также потенциально и зарубежные выставки, по которым государство несет огромные гарантийные обязательства, оказались под угрозой, а государственная культурная деятельность — в зависимости от уличных «худсоветов»³⁹.

В обоих случаях власть быстро начала юридические действия против исполнителей преступлений, хотя с публичными санкциями против организаторов и вдохновителей все обстоит сложнее.

Про новую национальную гвардию, вероятно, справедливо написали, что это личная силовая структура Путина, вроде преторианской гвардии в Древнем Риме. Однако сам Путин и высшие чиновники несколько раз подчеркивали: нацгвардия поставит под контроль людей с оружием, а судя по закону о гвардии, ей должны подчиниться не только ОМОН и внутренние войска, но и многочисленные военно-патриотические клубы и частные охранные организации, да и просто люди с оружием. «Ее важнейшая функция — контроль за оборотом оружия. Кроме того, в тесном контакте с МВД и ФСБ она будет бороться с терроризмом и оргпреступностью», — объявил лично В. Путин 21 апреля 2016 года в Кремле на церемонии представления офицеров, назначенных на высшие командные должности⁴⁰.

Во время «Прямой линии» на вопрос, «что сподвигло на указ о создании национальной гвардии», он ответил: «Первое и, пожалуй, основное, что лежит в основе этого решения, заключается в необходимости поставить под особый контроль оборот оружия в стране. В этой структуре теперь сосредоточено все, что связано с оружием, с огнестрельным оружием. Это и охрана различного рода, и разрешительная система, и курирование охранных частных структур, и сами, собственно, внутренние войска»⁴¹.

От нового силового ведомства боятся репрессий в отношении либеральных критиков Кремля, однако дисциплинирование полунезависимых патриотов и удержание государственной монополии на насилие может быть для нее не менее важной задачей.

Население консервативных режимов испытывает испуг и непонимание, когда против врагов за провозглашенные ценности начинает бороться не государство, а частные лица.

Из того же списка задач — стандартизация и нормализация в качестве главы региона Рамзана Кадырова, который стал виден издали и превращался⁴² в образец для сторонников патриотической самодеятельности.

Взамен молодежных организаций сурковского периода при Вячеславе Володине создали «взрослый» «Народный фронт» — широкое собрание активистов, которые должны способствовать укреплению режима. В отличие от «Наших» и других патриотических активистов, его основные цели — не внешние враги и «пятая колонна», а чиновники, которые дискредитируют систему, и недобросовестный бизнес. После региональных кампаний «Народного фронта» сняты минимум четыре губернатора, некоторые арестованы. Главные задачи «Народному фронту» ставят прямо в Кремле, однако активистам позволяется инициатива. Важно, что они никогда не прибегают к насилию, даже символическому, и революционными уличными методами, а добиваются заявленных целей при помощи обращений к президенту и другим государственным институтам.

Сейчас говорят о возможной либерализации России. Вероятно, лучше говорить не о ней, а о возвращении к привычной форме статического авторитаризма, которая сопровождается сворачиванием самодеятельной провластной активности и перегибов в борьбе с зарубежными и внутренними врагами. Это как раз может выглядеть как либерализация, даже является одной из ее сторон, но за ней не обязательно вскоре последуют другие.

Самоподрыв

Несмотря на то что российский режим имеет черты веберовской «харизматической легитимации», где лидер правит потому, что обладает исключительными качествами вождя и пророка, Россия не является революционной диктатурой, где произошел захват власти силовым путем. Несмотря на критику 90-х, современный российский режим остается юридическим и фактическим преемником предшествующего правления Бориса Ельцина, хотя идеологически пытается установить преемственность и с Советским Союзом, и с Российской империей.

Даже классические революционные режимы стремятся со временем легитимироваться через процедуры. Харизматический тип власти ведь самый непрочный: вождю все время нужно доказывать право на пребывание у власти новыми подвигами, поэтому многие постепенно выбирают более консервативную роль хранителей наследия революции.

Источник легитимности, моральная и юридическая опора российского режима не только в том, что «нами правит национальный лидер», но и в том, что все сделано по закону и согласно процедуре. Разумеется, для самоощущения руководства важны харизматические соображения вроде таких, как «мы ведем страну по правильному пути», «большинство населения одобряет нашу политику», «у нас есть

опыт, которого нет у других» (соображение уже скорее рационально-бюрократическое). Однако все это не приводило к отмене процедуры: окончательное оформление и «верного пути», и опыта, и даже «воли большинства» происходит в форме выборов, законодательной деятельности, решения судов и т.п.

Это отличает поведение российского режима от других, схожих с ним по иным признакам. Президент Белоруссии Лукашенко может публично признаться, что в 90-е по его приказу без суда (а что с бандитами церемониться!) перебили всех белорусских воров в законе и главарей преступных сообществ. Он же в порыве откровенности признается, что во время президентских выборов результаты кандидата Лукашенко были занижены — раз так нужно для блага Белоруссии, чтобы выглядеть приличней. Путин в аналогичных ситуациях неизменно отвечает, что «так решил суд», «так проголосовал избиратель», и затем уже выдает свои оценки фигурантам дел и политическим оппонентам. Это всякий раз давало повод для обвинений в лицемерии. Однако у этого лицемерия ясная цель: подтвердить значимость институтов, потому что наряду с массовой поддержкой они важный фундамент легитимности российского режима.

По той же причине Путин, подойдя к конституционному порогу, который не позволял оставаться на посту президента, повел себя иначе, чем многие другие лидеры авторитарных режимов. Пак Чжон Хи, Маркос, Чавес, Лукашенко, Милошевич, Назарбаев, Каримов, арабские лидеры посредством референдумов, новых конституций и даже чрезвычайных законов напрямую продлили свое пребывание у власти. Однако для Путина соблюсти действующую процедуру пусть не по духу, но по букве оказалось важным.

Почему это происходит? Почему это так важно для российского режима? В первую очередь потому, что он пока еще сам утверждает свою легитимность при помощи тех же самых институтов, а не при помощи народной поддержки революционного типа, идущей поверх институтов. И он никак не заинтересован в их полном разрушении.

Децентрализованный и неподконтрольный политический активизм, который нарушает законы во имя правды, справедливости и борьбы с врагами, крайне неорганично смотрится в качестве опоры нынешнего российского режима. Трудно совместить «стабильность», которая пропагандируется как главное достижение, и «ребят», которые приедут с Урала защищать ее подручными средствами.

К тому же власти России видят, что в критической ситуации никакое низовое сопротивление активистов не спасает режим: «титушки» и «донецкие ребята» не спасли Януковича, верблюжья кавалерия — Мубарака, многочисленные восторженные толпы с митингов — Кадаафи. Гораздо

Сейчас говорят о возможной либерализации России. Вероятно, лучше говорить не о ней, а о возвращении к привычной форме статического авторитаризма.

эффективней тут сочетание профессиональных силовиков и устранение самих причин протеста.

Политическая наука понимает, а высшие руководители России чувствуют функциональную несовместимость выстроенного ими статического консервативного режима, близкого к монархии, и практик децентрализованного политического активизма, которые приводят к обесцениванию процедур и размыванию государственной монополии на насилие.

Почему тогда российский политический режим больше боится либеральных критиков, чем национал-патриотических? Потому что за спиной у вторых Кремль не видит поддержки Запада и поэтому рассматривает их — хотя они потенциально популярнее либеральной оппозиции — как исключительно внутреннюю угрозу, с которой сам может справиться. В конце концов, даже слабый Ельцин победил левых и националистов в Белом доме в 1993 году. Зато за либеральными критиками российского режима стоит граница, а даже слабые и разрозненные советские диссиденты с ее помощью добились своего и развалили Советский Союз.

Опасней не тот, кто сильнее внутри, а тот, кому помогают снаружи. Этот способ оценки политических угроз полностью соответствует картине мира тех людей, которые сейчас руководят Россией, и большей части ее граждан.

Трудности поворота

Вопрос: какая разновидность режима — динамическая или статическая — хуже для будущего развития России, которая, почти что по всеобщему признанию, не может лежать, как лежала, и должна измениться, чтобы остаться хотя бы там, где есть? Какой тип отношений режима со сторонниками больше пригоден для полезных перемен?

Из большей народной активности, которая свойственна динамическим режимам, можно сделать вывод, что они эффективнее готовят людей к политике вообще: в них больше гражданской активности, независимых от государства объединений, горизонтальных связей. Режимы этого типа можно даже спутать с демократическими, часто они вообще являются электоральной диктатурой, как в Венесуэле, или нелиберальной демократией, как в Иране.

Однако такие режимы бывает труднее демонтировать и реформировать, потому что в них глубоко затянута не только верхушка бюрократии, но и обычные люди. Благодаря большей массе режим этого типа приобретает и большую инерцию, его труднее развернуть.

Кроме того, тут происходит «дурная политизация»: такой режим не только стимулирует активность, но и развращает. Лояльная часть населения привыкает к тому, что ей льстят; поднимают ее самооценку, позволяя бежать впереди власти и отчасти формировать ее повестку; разрешают искать врагов и атаковать равнодушных.

Прекращение постоянной активности создает пустоту и понижение социального статуса активистов. Их недовольство обращается против властей (новых и старых), которые пытаются вывести страну из состояния динамической диктатуры. Переход дается труднее, с более кровавой внутриэлитной борьбой, часто требует внешнего вмешательства. Например, свержение красных кхмеров потребовало вьетнамской интервенции, а в Аргентине генерал Перон многие годы оставался главным противником властей, пока снова не стал президентом через 18 лет после свержения.

Статические диктатуры по возможности полностью гасят публичную активность граждан. Но благодаря этому, когда созревают условия, их проще реформировать или свернуть, как, например, почти моментально исчезла диктатура Франко или Пиночета. Бездействие или имитация действия тогда оказывается удобнее, чем искренняя вовлеченность.

Неверно, что население статических диктатур абсолютно аполитично, — подлинный уровень политизации в них часто оказывается не ниже, чем в динамических. Политическая дискуссия может охватывать очень широкие слои населения, просто происходит в приватной сфере — в виде чтения, частного общения. Мы были свидетелями того, как быстро граждане СССР перешли к именно массовому участию в политике после десятилетий консервативного режима хранителей наследия революции. Сейчас мы можем наблюдать эту прежде невидимую политическую жизнь консервативных режимов вживую в соцсетях.

Статические диктатуры чаще более консервативны и оставляют глубинные слои жизни и экономики (особенно если это правые диктатуры) нетронутыми, то есть их идеология является лишь удобной для хозяев страны декорацией, которую, стало быть, проще сменить. Динамическая диктатура существует в делах, а статическая скорее в ритуалах и словах. Часто на последних этапах она длится по инерции, и под ее истончающимся слоем образуются обширные области независимой реальности — в частной сфере, в экономике, даже в культуре.

Статический режим может быть длительным и всепроникающим, как при Франко, в позднем СССР или сейчас на Кубе, но его опоры в человеческой реальности занимают не такую уж большую площадь, как показывает пример неожиданно легкого демонтажа позднего СССР, который многими мыслился возможным только в результате третьей мировой войны.

В России еще продолжится борьба вокруг характера режима и типа его легитимации. Многие из тех, кто настаивает на полной суверенизации России, окончательном разрыве с Западом, опоре на собственные силы в экономике, приведении внутренней политики в полное соответствие с осадным положением, предпочли бы более широкие возможности для неподконтрольного насилия и революционной мобилизации сторонников своего курса.

Децентрализованный патриотический активизм для них — метод борьбы не только с оппозицией, но и с частью руководства страны. НОД, напавшее на «Мемориал», ведет кампанию против представителей «пятой колонны» во власти, глава официальных профсоюзов Шмаков публично заявляет, что «экономический блок правительства ведет сознательную антинародную политику». Хотя «Народный фронт» придуман в Кремле, чтобы использовать низовую политическую активность в своих целях, мы, возможно, еще услышим радикальные голоса активистов, которые пройдут от него в следующую Думу по одномандатным округам.

Те, кто выступает за переформатирование российского режима, хотели бы приучить общество к более высокому уровню децентрализованного насилия, сделать уличные драки рутиной. Бюрократический центр препятствует им, когда видит в этом опасность, и допускает там, где считает для себя полезным. Приоритет тут имеют те патриоты, которых связывают личные отношения с Путиным. Однако потеря монополии на насилие не может быть полезной для консервативного режима с рыночной экономикой, который стремится не к изоляции, а к участию на равных в мировом совете директоров.

Почувствовав опасность, российское руководство, похоже, передумало широко использовать те формы отношений со сторонниками, которые, казалось, обещали ему большую и более искреннюю поддержку, а обществу — более оживленную политическую среду. Однако то, что выглядит как неприятное оседание в наскучившее болото политической апатии, может оказаться более пригодным фундаментом и для реформ, и для более спокойного решения вечного российского вопроса о передаче власти от лица к лицу и от бюрократии к более широким слоям ответственных граждан.

Примечания

- 1 Фохт Е. Российское посольство в Киеве забросали «коктейлями Молотова». — РБК. — 10 марта 2016 года // <http://www.rbc.ru/politics/10/03/2016/56e131a19a7947056b820728>.
- 2 Посольство Украины в Москве попытались забросать яйцами. — Русская служба BBC. — 6 марта 2016 года // http://www.bbc.com/russian/news/2016/03/160306_moscow_russian_embassy_kiev.
- 3 В центре Москвы начался митинг у посольства Украины. — Лента.ру. — 10 марта 2016 года // <https://lenta.ru/news/2016/03/10/miting/>.
- 4 См., например: *Бобраков-Тимошкин А.* «Миротворец» против журналистов. — Радио «Свобода». — 11 мая 2016 года // <http://www.svoboda.org/content/article/27728083.html>.
- 5 Демонстранты разгромили помещения в саудовском посольстве в Тегеране. — РИА «Новости». — 3 января 2016 года // <http://ria.ru/world/20160103/1353624518.html>.
- 6 *Gilbert L., Mohseni P.* Beyond Authoritarianism: The Conceptualization of Hybrid Regimes. — *Studies in Comparative International Development*. — September, 2011.
- 7 *Boix C., Svolik M.* The Foundations of Limited Authoritarian Government: Institutions and Power-Sharing in Dictatorships. — *The Journal of Politics*. — April, 2013.
- 8 *Brownlee J.* Authoritarianism after 1989: From Regime Types to Transnational Processes. — *Harvard International Review*. — 2010.
- 9 *Varol O. O.* Stealth Authoritarianism. — *100 Iowa Law Review*, 1673. — 2015.
- 10 *Лантева Е., Крылова А., Дудина В.* В Москве на концерте Андрея Макаревича распылили перцовый газ. — *Комсомольская правда*. — 25 сентября 2014 года // <http://www.kp.ru/daily/26284.4/3164822/>.
- 11 На Вячеслава Дацика завели два уголовных дела за погромы в борделях. — *Фонтанка.ру*. — 18 мая 2016 года // <https://meduza.io/news/2016/05/18/na-vyacheslava-datsika-zaveli-dva-ugolovnyh-dela-za-pogromy-bordeley>.
- 12 *Кадиров Р.* Шакалы будут наказаны по закону Российской Федерации. — *Известия*. — 18 января 2016 года // <http://izvestia.ru/news/601935>.
- 13 *Холмогоров Е.* Зима близко. — *Правая.ру*. — 5 февраля 2016 года // <http://pravaya.ru/comments/23934?print=1>.
- 14 Песков прокомментировал нападение на Улицкую. — *Лента.ру*. — 29 апреля 2016 года // <https://lenta.ru/news/2016/04/29/ulitskaya/>.
- 15 *Зорин А.* Авансцена. — М., 1997. — С. 274.
- 16 Цит. по: *Панцов А.* Мао Цзэдун. — М.: Молодая гвардия, 2012. — С. 673.

- 17 *Сборов А., Пьяных Г.* Майка, пейджер, Кей-джи-би. — Коммерсантъ. — 15 мая 2001 года // <http://www.kommersant.ru/doc/264481>.
- 18 Котел в Дебальцево. — Программа «Специальный корреспондент». — 29 января 2015 года // https://www.youtube.com/watch?v=s4ELN_aq3S4&app=desktop (1-02).
- 19 Майские праздники. Пресс-выпуск «Левада-центра», 29 апреля 2016 года // <http://www.levada.ru/2016/04/29/majskie-prazdnikika>.
- 20 Протестные настроения: уровень недовольства властями и готовность протестовать. — Фонд «Общественное мнение». — 8 июля 2016 года // http://fom.ru/obshchestvo/11090#tab_03.
- 21 Материалы проекта «Евробарометр в России» (проводится Центром социологических исследований РАНХиГС с 2012 года): http://www.ranepa.ru/images/docs/nayka/EB_2015_prezentatsia_07_09_ed.pdf.
- 22 *Гликин М.* Граждане рады запретам. — Ведомости. — 25 ноября 2013 года // <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/11/25/grazhdane-rady-zapretam>.
- 23 «Было страшно»: очевидцы рассказали о разгроме гей-вечеринки // <http://www.ntv.ru/video/360083/>.
- 24 <http://www.ntv.ru/video/724683/>.
- 25 <http://dobrovolc.org/pomoshh-perevalochnoj-baze/>.
- 26 Игорь Стрелков: Власть марширует по проложенному Милошевичем пути. — Русская планета. — 1 июня 2016 года // <http://rusplt.ru/society/ond-igor-strelkov-intervyu-25697.html>.
- 27 *Бастрыкин А.* Пора поставить действенный заслон информационной войне. — Коммерсантъ-Власть. — 18 апреля 2016 года // <http://www.kommersant.ru/doc/2961578>.
- 28 *Каныгин П.* Александр Бородай: «Эта война проявила народную энергию». — Новая газета. — 13 апреля 2015 года // <http://www.novayagazeta.ru/politics/68042.html>.
- 29 Полная версия исследования есть в распоряжении Московского Центра Карнеги.
- 30 Восприятие И. Стрелкова и возможного участия руководителей Донбасса в российской политике. Пресс-выпуск «Левада-центра», 1 июня 2016 года // <http://www.levada.ru/2015/06/01/vozpriyatie-i-strelkova-i-vozmozhnogo-uchastiya-rukovoditelej-donbassa-v-rossijskoj-politike/>.
- 31 Из беседы автора с сотрудником «Левада-центра».
- 32 Об эффективности пропаганды в России. Пресс-выпуск «Левада-центра», 16 декабря 2015 года // <http://www.levada.ru/2015/12/16/lev-gudkov-ob-effektivnosti-propagandy-v-rossii/>.
- 33 Борьба с «пятой колонной» и ощущение свободы в обществе. Пресс-выпуск «Левада-центра», 8 декабря 2015 года // <http://www.levada.ru/2015/12/08/borba-s-pyatoj-kolonnoj-i-oshhushhenie-svobody-v-obshhestve/>.
- 34 Там же.
- 35 Россияне о деле Pussy Riot. Пресс-выпуск «Левада-центра», 31 июля 2012 года // <http://www.levada.ru/2012/07/31/rossiyane-o-dele-pussy-riot/>.
- 36 *Левинсон А.* А мы — Шарли? Как россияне отнеслись к расстрелу журналистов во Франции. — Ведомости. — 3 февраля 2015 года // <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/02/03/a-my-sharli>.
- 37 Борьба с «пятой колонной» и ощущение свободы в обществе...

- 38 Борис Немцов: восприятие и расследование убийства. Пресс-выпуск «Левада-центра», 19 февраля 2016 года // <http://www.levada.ru/2016/02/19/boris-nemtsov-vospriyatie-i-rassledovanie-ubijstva/>.
- 39 *Баунов А.* Теракт в Манеже. Откуда в России разрушители классики. — Carnegie.ru. — 17 августа 2015 года // <http://carnegie.ru/publications/?fa=61022>.
- 40 Церемония представления офицеров, назначенных на высшие командные должности. — Президент России. — 21 апреля 2016 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/51764>.
- 41 Прямая линия с Владимиром Путиным, 14 апреля 2016 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/51716>.
- 42 *Баунов А.* Передовик госстроительства. Кадыров как Лукашенко нашего времени. — Carnegie.ru. — 25 января 2016 года // <http://carnegie.ru/commentary/2016/01/25/ru-62564/it4p>.

Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР.

Публикации Московского Центра Карнеги выходят на русском и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

Центр привлекает самых разных специалистов, объединенных приверженностью принципам научного подхода и объективного анализа. Наши эксперты не только превосходно разбираются в специфике местных реалий, но и видят их в глобальной перспективе.

Фонд Карнеги за Международный Мир был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КАРНЕГИ

ХОЖДЕНИЕ В НАРОД И ОБРАТНО

Российская власть между профессионалами и энтузиастами

Александр Баунов

Редактура и корректура бюро ТХТ (www.txtburo.com)

Дизайнер русскоязычной версии Я. Красновский

Компьютерная верстка Ю. Мосягин

Фото на обложку: Светлана Холявчук/Интерпресс/ТАСС

Подписано к печати 05.10.2016

Формат 60x90 1/8.

Гарнитура Garamond Premier Pro.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 5,5

Тираж 300 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва,

Тверская ул., д. 16/2

Тел.: + 7 495 935-89-04

Факс: + 7 495 935-89-06

Email: info@Carnegie.ru

www.Carnegie.ru

Отпечатано в типографии «Самполиграфист»

129090, Москва, Протопоповский переулок, д. 6

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН ДЕЛИ МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru